

Константин Громовенко

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ПЕРСОНАЛА ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ И ОХРАННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА

International legal issues on the status of personnel of private military and security companies (PMSC) in times of international armed conflicts, the awarding of combatant status to PMSC personnel are analysed in the article. It is grounded that under conditions of international conflicts the interpretation of existing normative criteria to PMSC personnel is possible for qualification of: a) PMSC personnel as combatants; b) their acts in combatant status as such that violate the laws and customs of war; c) differentiation of PMSC personnel between combatants and the rest; d) PMSC personnel, which does not bear combatant status but lawfully exercises certain functions (security, logistic, humanitarian) in armed conflict; e) in certain cases PMSC personnel as persons who illegally take part in an armed conflict and are not combatants. There is an objective need in changing criteria for classification of combatants and supplement of their list with PMSC personnel.

It is proven that the existence of a domestic legal act on the inclusion of PMSC into the armed forces is a lawful ground for inclusion and thus belonging of both foreign and domestic PMSC personnel to combatants. The existence of such a legal act is a sufficient ground for PMSC identification as a constitutive part of the armed forces of a respective state.

Conditions and legal consequences of PMSC inclusion (or its part) into the armed forces are compliance with provisions of para. 1 Art. 43 of the Additional Protocol I, in particular: being under a command responsible to that Party for the conduct of its subordinates; being subject to an internal disciplinary system which, 'inter alia', shall enforce compliance with the rules of international law applicable in armed conflict. Herewith, members of the armed forces of a Party to a conflict (other than medical personnel and chaplains) are combatants, that is to say, they have the right to participate directly in hostilities.

It is defined that in case of inclusion into the armed forces, PMSC personnel exercising medical and sanitary, or informational functions can be referred to non-combatants.

It is grounded that recognition of PMSC personnel as combatants is possible because of its inclusion to members of other militias and members of other volunteer corps (which do not belong to personnel of the armed forces of any Party to the conflict), including personnel of organized resistance movements, belonging to a Party to the conflict and operating in or outside their own territory, even if this territory is occupied (para. 2 Art. 4 of Geneva Convention III). For gaining combatant status personnel has to meet the conditions of organization and legitimacy (presence of a command, having a fixed distinctive sign, carrying arms openly and compliance with the laws and customs of war).

Проблематика правового статуса персонала частных военных и охранных предприятий (ЧВОП) является частью общей проблемы правового статуса негосударственных субъектов в вооруженных конфликтах. Участие негосударственных субъектов в вооруженных конфликтах вызывает ряд вопросов в отношении соблюдения ими международного гуманитарного права (МГП), в частности, уважения к покровительствуемым лицам, таким как гражданские лица. Все эти вопросы, рассматриваемые с точки зрения привлечения негосударственных субъектов к ответственности за нарушения МГП, вызывали и вызывают все более растущий интерес со стороны исследователей и ученых¹. Несмотря на то, что негосударственные субъекты в той или иной степени участвовали в вооруженных конфликтах, их роль и характеристики, равно как и потенциальные угрозы, исходящие от их участия в конфликтах, несомненно претерпевают определенные изменения. Это касается в значительной мере ЧВОП. В настоящее время не вызывает сомнений возможность и способность ЧВОП влиять на безопасность и благополучие миллионов людей в зонах, где происходят вооруженные конфликты. В этой связи важным является правовой статус ЧВОП и их персонала, их способность соблюдать нормы МГП в процессе своей деятельности в период вооруженного конфликта.

Следует отметить, что в условиях вооруженного конфликта первичным является не правовой статус ЧВОП, а статус его персонала. На наш взгляд, не является аксиомой абсолютная невозможность принадлежности персонала ЧВОП к комбатантам только на том основании, что они относятся к негосударственным акторам, как указывают отдельные авторы². Речь может только идти, что персо-

¹ См., например, Clapham, A. (2006). Human Rights Obligations of Non-State Actors in Conflict Situations. *INT'L REV. RED CROSS*, 88, 491; Michelle, L. Mack (2003). Compliance with International Humanitarian Law by Non-State Actors in Non-International Armed Conflicts. *International Humanitarian Law Research Initiative (Working Paper)*. <http://ihl.ihlresearch.org/_data/n_0002/resources/live/briefing3293.pdf> (2013, май, 15); Ryngaert, C. (2008). *Non-State Actors and International Humanitarian Law*. <<https://www.law.kuleuven.be/iir/nl/onderzoek/wp/WP146e.pdf>> (2013, май, 15); Higgins, N. (2009). The regulation of Armed Non-State Actors: Promoting the Application of the Laws of War to Conflicts Involving National Liberation Movements. *Human Rights Brief*. <<http://www.wcl.american.edu/hrbrief/17/1higgins.pdf?rd=1>> (2013, май, 15), и др.

² «Несмотря на организованный характер и вооруженность ЧВОК, они не отвечают требованиям, предъявляемым к вооруженным силам (ст. 43 Дополнительного протокола I), уже только потому, что являются негосударственными акторами. Тем более, когда ЧВОК состоят из иностранных граждан или имеют интернациональный состав, никаким образом не связанным со сто-

нал ЧВОП в силу своей принадлежности к ЧВОП, автоматически не является комбатантом¹, но может им стать при дополнительных условиях, речь о которых пойдет ниже. Причем, эти условия различаются не только от вида вооруженного конфликта, но и от категории комбатантов. Как указывает В. В. Гаврилов, сотрудники ЧВОП «в зависимости от характера выполняемых ими задач и конкретной ситуации они могут быть как причислены к числу комбатантов, так и иметь статус гражданских лиц»².

Как правильно отмечает А.А. Сырхаев, существуют противоположные точки зрения по вопросу определения статуса частных военных и охранных компаний как участников вооруженного конфликта. Ученый рассматривает возможность отнесения персонала ЧВОП к различным категориям, предусмотренным МГП: 1) члены регулярных вооруженных сил, 2) гражданские лица, 3) гражданские лица, следующие за вооруженными силами³.

Деятельность ЧВОП в период вооруженного конфликта порождает несколько важных проблем обусловленных особенностями правового регулирования вооруженного конфликта в целом и недостаточным уровнем регламентации правового статуса и режима ЧВОП и его персонала, особенно в случае деятельности ЧВОП от имени и по поручению государства. К ним относится проблема соблюдения международного права прав человека⁴ и МГП в период вооруженного конфликта в связи с участием в нем ЧВОП, ответственности персонала ЧВОП за нарушения норм международного права прав человека и МГП в процессе своей деятельности. Как указывал в этой связи Заместитель Верховного комиссара ООН по

роной, находящейся в конфликте». Котляров, И. И., Пузырева, Ю. В. (2013). Негосударственные вооруженные группы и международное гуманитарное право. *Московский журнал международного права*, 3 (90), 8.

¹ Поскольку статус комбатанта возможен исключительно в случае вооруженного конфликта международного характера.

² См.: Гаврилов, В. В. (2010). Правовое положение частных военных и охранных компаний: задачи международного и национального регулирования. *Российский ежегодник международного права*. СПб.: Социально-коммерческая фирма «Россия-Нева», 333.

³ Сырхаев, А. А. (2013). *Ответственность частных военных и охранных компаний в международном гуманитарном праве* (Автореф. дис.... канд. юрид. наук: 12.00.10 – Международное право. Европейское право) М.: ФГБОУ ВПО «Российский университет дружбы народов»), 9.

⁴ В случае вооруженного конфликта международное гуманитарное право применяется вместе с международным правом защиты прав человека. *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory* (Advisory Opinion) 2005 ICJ Para. 106.

правам человека Кюнг-ва Канг на заседании Межсессионной межправительственной рабочей группы открытого состава по рассмотрению возможности создания международной нормативной базы для регулирования, мониторинга и контроля деятельности частных военных и охранных компаний, отсутствие четкой юридической регламентации статуса ЧВОП в период ведения вооруженных конфликтов, неоднозначное определение их правового положения как комбатантов или как гражданского населения несет в себе риск стирания фундаментального для МГП и гуманитарной деятельности различия между этими двумя категориями лиц¹.

Важным вопросом является и определение установление правовой связи между государством и ЧВОП в случае участия последнего вооруженном конфликте, опосредованном в статусе персонала ЧВОП в качестве комбатантов или гражданского населения, для определения связанности ЧВОП нормами международного права защиты прав человека. Отвечая на вопрос, связаны ли сотрудники ЧВОП связаны в своей деятельности международными нормами о защите прав человека В. Н. Русинова указывает, что на этот вопрос можно дать утвердительный ответ с оговоркой, что это применимо к тем случаям, когда действия таких лиц могут быть вменены государству. В остальных случаях решение данного вопроса зависит от законодательства лицензирующего государства, государства, где они осуществляют деятельность и государства, которое заключило соответствующий контракт, потому что относится к сфере «позитивных обязательств» государств по соблюдению международных договоров и обычаев в сфере защиты прав человека².

В настоящее время, международно-правовых норм, непосредственно закрепляющих права и обязанности персонала ЧВОП как отдельной и самостоятельной категории в МГП не существует. Что, в свою очередь не исключает идентификацию их как более широкой категории лиц в рамках международного гуманитарного права.

¹ Вступительное слово Заместителя Верховного комиссара ООН по правам человека Кюнг-ва Канг на заседании Межсессионной межправительственной рабочей группы открытого состава по рассмотрению возможности создания международной нормативной базы для регулирования, мониторинга и контроля деятельности частных военных и охранных компаний. <<http://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=11059&LangID=R>> (2013, февраль, 20).

² Русинова, В. Н. (2009). Проблемы международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных предприятий. *Российское право в Интернете: журнал*, 5. <http://www.rpi.msal.ru/prints /200905_3.html> (2013, февраль, 20).

Следует отметить, что Женевские конвенции о защите жертв войны от 12 августа 1949 г. (ЖК) с Дополнительным протоколом к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающимся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 10 июля 1977 года (ДП I) определяют статус любых лиц в период вооруженного конфликта международного характера – либо комбатанты (или некомбатанты), либо гражданское население¹. Согласно ДП I, «гражданским лицом является любое лицо, не принадлежащее ни к одной из категорий лиц, указанных в статье 4. А. 1, 2, 3 и 6 Третьей конвенции и в ст. 43 настоящего Протокола» (п. 1 ст. 50). Таким образом, любое лицо, не являющееся комбатантом, является гражданским лицом. Насколько такая классификация объективно отражает фактически сложившуюся ситуацию, когда к гражданским лицам необходимо относить лиц, систематически участвующих в вооруженном конфликте, и фактически нарушающих действующие нормы международного гуманитарного права (наемники, члены международных террористических операций, персонал ЧВОП), именуемых «незаконными комбатантами»² является темой для научной дискуссии, особенно в отношении целесообразности внесения соответствующих изменений в международное гуманитарное право. В этой связи трудно не согласиться с К.У. Уоткиным о наличии многочисленных сложностей в применении четкого различия между комбатантом и гражданским лицом: в формулировании ясных и полных критериев для статуса комбатанта; в определении достаточного количества критериев, позволяющих считать, что гражданское лицо принимает непосредственное участие в военных действиях; учет присутствия гражданских лиц в зоне боевых действий или их участия в военных усилиях государства³.

Что касается персонала ЧВОП, то на наш взгляд, с учетом фактической ситуации их деятельности в условиях вооруженных конфлик-

¹ Наш взгляд, в эту дихотомическую классификацию не вполне укладываются наемники.

² Короткий, Т. Р. (2009). К вопросу о правомерности применения термина «незаконный комбатант». Ред. коллегия.: Кивалов С. В. (гл. ред.) и др. *Альманах международного права*. О.: Фенікс, 203 – 220.; Короткий, Т. Р. (2009). Понятие «незаконные комбатанты» и их правовой статус. *Наукові праці Одеської національної юридичної академії*, 8, Одеса: Юридич. л-ра., 242 – 251.

³ Уоткин, К. У. (2003). Комбатанты, «непривилегированные воюющие» и конфликты XXI века. *Подтверждение и развитие международного гуманитарного права: материалы для Неформальной встречи экспертов на высшем уровне, посвященной теме (Кембридж, 27–29 июня 2003 г.)*. <http://www.sk-news.ru/mgp/doc/doc_07_05.doc> (2013, февраль, 20).

тах вопрос состоит в: 1) возможности интерпретации существующих нормативных критериев к персоналу ЧВОП: а) в отношении классификации их как комбатантов; б) квалификация их действий как нарушающих законы и обычаи войны в статусе комбатантов; в) дифференциации персонала ЧВОП, на относящихся к комбатантам и не относящихся к ним¹; г) персонал ЧВОП, не являющийся комбатантом, но правомерно выполняющим в условиях вооруженного конфликта определенные функции (охранные, логистические, гуманитарные); д) квалификации в определенных случаях персонала ЧВОП как лиц, незаконно участвующих в вооруженном конфликте, не являющихся комбатантами; 2) необходимости изменения критериев для классификации комбатантов или дополнения их перечня персоналом ЧВОП.

Мы не вполне согласны с В. В. Гавриловым в отношении того, что «Международное гуманитарное право идентифицирует своих субъектов и наделяет их определенным статусом в зависимости, прежде всего, от того являются ли они комбатантами или гражданскими лицами, а не в силу их принадлежности к определенным структурам»². Как раз принадлежность к определенным структурам и может служить необходимым (но не достаточным) основанием наделяния лиц статусом комбатанта, как это имеет место в случае принадлежности лиц к вооруженным силам. На это указывает и п. 5. ст. 44 ДП I, в соответствии с которой «Любой комбатант, который попадает во власть противной стороны, когда он не участвует в нападении или в военной операции, являющейся подготовкой к нападению, не теряет своего права считаться комбатантом и военнопленным в силу совершенных им ранее действий». Однако относительно статуса персонала ЧВОП высказывание профессора В.В. Гаврилова абсолютно верно – принадлежность к персоналу ЧВОП не позволяет однозначно трактовать лицо как комбатанта (как и в случае принадлежности к вооруженным силам лицо может относиться к гражданским лицам или некомбатантам). Хотя, с другой, стороны, как представляется, принадлежность к легализованным ЧВОП путем их включения в состав вооруженных сил стороной конфликта, обуславливает наделение их персонала статусом комбатантов.

¹ Следует также отметить неоднородность личного состава вооруженных сил, включающих некомбатантов.

² Гаврилов, В. В. (2010). Правовое положение частных военных и охранных компаний: задачи международного и национального регулирования. *Российский ежегодник международного права*. СПб.: Социально-коммерческая фирма «Россия-Нева», 332.

До непосредственного рассмотрения статуса и оснований отнесения к определенной категории персонала ЧВОП следует отметить, что их статус (как и критерии отнесения к этому статусу) будут зависеть от вида вооруженного конфликта – вооруженный конфликт международного характера, вооруженный конфликт немеждународного характера, в меньшей степени интернационализированный конфликт. На данное обстоятельство абсолютно обоснованно обращают внимание многие авторы¹. Например, В.Н. Русинова указывает, что «В свете норм *jus in bello* статус сотрудников частных военных и охранных компаний зависит от классификации вооруженного конфликта в качестве международного или немеждународного, и от вида деятельности, которую они осуществляют»².

Категория «комбатант» применяется в случае вооруженного конфликта международного характера, правовой статус персонала ЧВОП в процессе которого следует рассматривать отдельно от правового статуса ЧВОП в период вооруженного конфликта немеждународного характера.

При этом, в контексте нашего анализа имеет важное значение определение понятия «комбатант» и его видового разнообразия.

Как правило, для определения понятия, критериев, условий принадлежности к комбатантам применяют ст. 4 Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 года (ЖК III) и ст. 43 ДП I. Однако, в них испльзуются различная формулировка. В ст. 43 ДП I говорится о **вооруженных силах** в собирательном смысле, и формулируются общие критерии, которым входящие в их состав подразделения должны соответствовать (п. 1 ст. 43 ДП I), с указанием в п. 2 ст. 43 ДП I что «Лица, входящие в состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте..., являются комбатантами, то есть они имеют право принимать непосредственное участие в военных действиях», т.е. принадлежность к вооруженным силам (отвечающим условиям п. 1 ст. 43 ДП I) является единственным условием наделения лица статусом комбатанта (за исключением некомбатантов). Как нам кажется, в определенном смысле произошла деперсонафикация комбатанта по сравнению с ст. 4 ЖК III.

¹ Котляров, И. И., Пузырева, Ю. В. (2013). Негосударственные вооруженные группы и международное гуманитарное право. *Московский журнал международного права*, 3 (90), 7.

² Русинова, В. Н. (2009). Проблемы международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных предприятий. *Российское право в Интернете: журнал*, 5. <http://www.rpi.msal.ru/prints /200905_3.html> (2013, февраль, 20).

Обратим внимание на следующие особенности. Во-первых, лицо обладает статусом комбатанта не независимо от того, участвовал ли он, или участвует в нападении или в военной операции, являющейся подготовкой к нападению. Т.е. статус комбатанта (в большинстве случаев) напрямую не связан с непосредственной деятельностью лица, а с принадлежностью определенной структуре (вооруженным силам, ополчению, партизанским отрядам). Такой вывод можно сделать из п. 5 ст. 44 ДП I. Т.е., персонал ЧВОП, включенной в состав вооруженных сил, независимо от фактического участия в нападении и боевой операции, относится к комбатантам. Во-вторых, трактовка п. 2 ст. 44 ДП I позволяет исключить требование относительно обязательного соблюдения МГП из условий «комбатантности», сделав его факультативным для всех категорий комбатантов по ст. 4 ЖК III (в зависимости от сферы действия этого пункта – на всех комбатантов, или только тех, которые входят в состав вооруженных сил согласно п. 1 ст. 43 ДП I), когда как несоблюдение это требование в соответствии с условиями пп. 2 п. А ст. 4 ЖК III и пп. 6 п. А ст. 4 ЖК III приводит к невозможности получения статуса комбатанта личным составом «других ополчений и добровольческих отрядов, включая личный состав организованных движений сопротивления, принадлежащих стороне, находящейся в конфликте» (пп. 2 п. А ст. 4 ЖК III) и «населением неоккупированной территории, которое при приближении неприятеля стихийно по собственному почину берется за оружие для борьбы со вторгающимися войсками, не успев сформироваться в регулярные войска, если оно носит открыто оружие и соблюдает законы и обычаи войны» (пп. 6 п. А ст. 4 ЖК III). Т.е. соблюдение МГП по ЖК III является квалифицирующим признаком для наделения статусом комбатанта, а по ДП I – нет. Однако, несоблюдение комбатантами МГП фактически свидетельствует, в зависимости от последствий, о совершении военных преступлений. Эти обстоятельства важно учитывать при определении статуса персонала ЧВОП. По нашему мнению, критерием возможности легитимизации участия ЧВОП в международном вооруженном конфликте в качестве комбатанта в качестве обязательного условия должно быть соблюдение им соблюдение норм международного права, применяемых в период вооруженных конфликтов. В этой связи представляется важным необходимость выполнения персоналом ЧВОП положений МГП.

В случае вооруженного конфликта международного характера обладание лица статусом комбатанта порождает определенный объем прав и обязанностей, отличный от статуса гражданского лица.

В частности, лицо имеет право принимать непосредственное участие в военных действиях и в этом качестве не несет персональной ответственности за свои действия, если в не нарушает законы и обычаи войны. В определенных, прямо оговоренных в ЖК с ДП I и международно-правых обычаях случаях, статус комбатанта является предпосылкой приобретения статуса жертвы войны с наделением определенных прав. Не являются исключением и персонал ЧВОП. В случае принадлежности персонала ЧВОП к комбатантам, то «они могут стать объектом нападения в любое время, но и имеют право принимать непосредственное участие в военных действиях. В случае взятия в плен они имеют право на статус военнопленного и не могут быть привлечены к ответственности за сам факт участия в военных действиях»¹.

Однако, в отличии от личного состава вооруженных сил, и в меньшей степени иных категорий комбатантов, критерии отнесения к которым более-менее в четко прописаны ЖК и ДП I, идентификация персонала ЧВОП в качестве комбатантов затруднительна, не однозначна и связана с расширительным толкованием норм международного гуманитарного права ввиду 1) разнообразие видов ЧВОП, и выполняемых ими функций; 2) различной степенью вовлеченности персонала ЧВОП к непосредственному участию в охранных (военных) операциях, его функциональной неоднородностью; 3) различным статусом нанимателя услуг ЧВОП – государство, международная межправительственная организация, или физические, юридические лица, международная неправительственная организация. 4) определенное значение для идентификации персонала ЧВОП как комбатантов будет иметь и распространяемое на него законодательства – государства регистрации, государства нанимателя, государство нахождения. В этом отношении важным для уточнения статуса персонала ЧВОП является разработанное МККК в 2009 г. специального Руководства, разъясняющего содержание понятия «непосредственное участие в военных действиях» и его последствий в соответствии с международным гуманитарным правом².

Как уже указывалось ранее, отнесение персонала ЧВОП к комбатантам носит ситуативный характер, связано с их соответствием критериям, выдвигаемым МПП к комбатантам. Эти критерии в

¹ Жийар, Э.-К. (2006). Бизнес идет на войну: частные военные и охранные компании и международное гуманитарное право. *Международный журнал Красного Креста*, 88, 863, 8 – 9.

² Подробнее см.: Direct participation in hostilities <<http://www.icrc.org/web/eng/siteeng0.nsf/html/p0990?opendocument>> (2013, февраль, 20).

наиболее концентрированной форме содержаться в ЖК III (ст. 4). К ним относится принадлежность к личному составу вооруженных сил стороны конфликта, а также к личному составу добровольческих отрядов или ополчения, не входящим в их состав, но отвечающим ряду условий. К числу комбатантов относится личный состав регулярных вооруженных сил, считающих себя в подчинении правительства или власти, не признанных держащей в плену державой, равно как и население неоккупированной территории, которое при приближении неприятеля стихийно, по собственному почину берет за оружие для борьбы с вторгающимися войсками, не успев сформироваться в регулярные войска, если оно открыто носит оружие и соблюдает законы и обычаи войны.

Мы согласны с мнением о том, что в ст. 43 ДП I «сфокусированы признаки вооруженных сил, которыми представлены противоборствующие государства в международном вооруженном конфликте и на которые распространяются нормы МГП. И это не случайно, т.к. вооруженные силы (армия) являются институтом государства со своими специфическими чертами. Принимать непосредственное участие в военных действиях вправе только лица, входящие в состав вооруженных сил (комбатанты) государства»¹. Однако в этой связи возникает два вопроса. Во-первых, действительно в ст. ст. 43 ДП I речь идет о признаках вооруженных сил. Но ведь, в соответствии со ст. 4 ЖК III к комбатантам относятся и лица, не входящие в состав вооруженных сил. Поэтому, на наш взгляд, возможность присвоения статуса комбатанта персоналу ЧВОК можно рассматривать в двух аспектах – принадлежность к личному составу вооруженных сил или принадлежность к иным вооруженным формированиям, отличным от вооруженных сил, но в тоже время, правомерно участвующих в вооруженном конфликте.

Первый вариант наделения персонала ЧВОП статусом комбатанта это включение ЧВОП (его части, отдельного структурного подразделения) в состав вооруженных сил. Мы не видим прямого запрета на такое включение в ЖК и ДП I, при издании акта внутреннего права с распространением на персонал ЧВОП всех положений МГП относительно статуса личного состава вооруженных сил. Однако, как указывает В.Н. Русинова, «Как правило, персонал частных военных и охранных предприятий не включается в личный состав

¹ Котляров, И. И., Пузырева, Ю. В. (2013). Негосударственные вооруженные группы и международное гуманитарное право. *Московский журнал международного права*, 3 (90), 14 – 18.

вооружённых сил «государства-контрагента»¹, хотя и не отрицает такую возможность.

О такой возможности свидетельствует и п. 3 ст. 43 ДП I, согласно которого «Всякий раз, когда сторона, находящаяся в конфликте, включает в свои вооруженные силы полувоенную организацию или вооруженную организацию, обеспечивающую охрану порядка, она уведомляет об этом другие стороны, находящиеся в конфликте». Следует отметить, что данный пункт не санкционирует включение такого рода организаций в состав вооруженных сил, а указывает только на необходимость соблюдения определенного условия – уведомления об этом других сторон, находящихся в конфликте. Решение о таком включении принимает государство, и право на такое решение проистекает из государственного суверенитета.

Формально говоря, в данном пункте не идет речь ни о характере (публичный или частный), ни о национальной принадлежности (национальная, иностранная организация). Единственно что императивно указывается – на ее функцию такой организации – обеспечение охраны порядка. Причем эта функция должна быть присуща данной организации еще до включения в состав вооруженных сил.

Что касается национальной принадлежности, то как указывает И.И. Котляров и Ю.В. Пузырева², речь может идти о включении в состав вооруженных сил воюющего государства как отечественных (национальных) полувоенных или вооруженных организаций, так и приравненных к ним силовых структур, деятельность которых обусловлена международным договором. Мы не вполне согласны с таким утверждением. Ничто в данном пункте не указывает на необходимость наличия международного договора. Наш взгляд, не будет противоречить нормам международного права включение в состав вооруженных сил как иностранной полувоенной или вооруженной организации частноправовой природы, с ограниченным условием – ее деятельность направлена на обеспечение порядка. Речь о международном договоре как основании такого включения возникает, на наш взгляд, только в случае публичноправовой природы такой иностранной организации. Причем речь идет о включении

¹ Русинова, В. Н. (2009). Проблемы международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных предприятий. *Российское право в Интернете: журнал*, 5. <http://www.rpi.msal.ru/prints /200905_3.html> (2013, февраль, 20).

² Котляров, И. И., Пузырева, Ю. В. (2013). Негосударственные вооруженные группы и международное гуманитарное право. *Московский журнал международного права*, 3 (90), 14 – 18.

именно **организации**, в нашем случае ЧВОП, а не отдельных лиц, и именно включение в состав вооруженных сил организации, на наш взгляд порождает потенциальную возможность **наделения** всех ее сотрудников статусом комбатантов.

В связи с коммерческим характером деятельности ЧВОП возникает вопрос об правовых последствиях контракта, заключенного ЧВОП и правительством государства, участвующего в вооруженном конфликте. Данный контракт может предусматривать право или возлагать на персонал ЧВОК обязанность непосредственного участия в военных действиях. Однако, по нашему мнению, наличие такого контракта будет необходимым, с учетом частноправовой природы ЧВОП, но недостаточным условием присвоение персоналу ЧВОП статуса комбатантов.

Наиболее явным случаем такого включения, и соответственно принадлежности персонала как иностранной, так и национальной ЧВОП к комбатантам, является наличие акта внутреннего права, включающего ЧВОП в состав вооруженных сил. Наличие данного акта является, на наш взгляд достаточным правовым основанием для идентификации ЧВОП как составной части вооруженных сил соответствующего государства.

Условиями и правовыми последствиями включения ЧВОП (его части) в состава вооруженных сил является соблюдение положений п. 1 ст. 43 ДП I, а именно: нахождение под командованием лица, ответственного перед этой стороной за поведение своих подчиненных; подчинение внутренней дисциплинарной системе, которая, среди прочего, обеспечивает соблюдение норм международного права, применяемых в период вооруженных конфликтов. При этом, лица, входящие в состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте (кроме медицинского и духовного персонала), являются комбатантами, то есть они имеют право принимать непосредственное участие в военных действиях.

В этом случае имеет место относительно не соответствующий традиционному способ формирования вооруженных сил. И в этом случае ЧВОП как самостоятельный субъект «растворяется» в статусе вооруженных сил, и все его действия будут присваиваться вооруженным силам. Ведь одним из условий отнесения лиц к наемникам будет невхождение в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте (е) п. 2 ст. 47 ДП I. Действительно, что касается гражданства, да и других критериев наемников, они могут свидетельствовать о возможности квалификации персонала ЧВОП (особенно иностранной), однако именно персонала, а не самой

ЧВОП, и во-вторых, эти критерии позволяют квалифицировать лицо в качестве наёмника лишь в совокупности, и несоответствие хотя бы одному критерию позволяет избежать такой квалификации.

Поэтому, на наш взгляд, универсального запрета на формирования вооруженных сил посредством ЧВОП нет. Попытка таким образом квалифицировать персонал ЧВОП в качестве наемников наталкивается на две проблемы¹: размытость критериев наемника²; ограниченность участников Международной конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников 1989 г.

Таким образом, согласно МГП, исключительно в порядке, определяемым национальным законодательством, ЧВОП будут включены в состав вооруженных сил данного государства, а их персонал приобретет статус комбатантов.

В случае вхождения в состав вооруженных сил, персонал ЧВОП, выполняющий медико-санитарные функции или информационные функции может быть отнесен к некомбатантам. Возможность принадлежности к данной категории персонал ЧВОП большинство авторов игнорируют, и на практике она не распространена, причем согласно нормам МГП, медицинский и санитарный персонал обладают специальной защитой, вне зависимости от вхождения в состав вооруженных сил, национальных обществ Красного Креста или Красного Полумесяца, гражданского статуса, хотя эта защита и ее нормативное содержание могут значительно различаться.

Согласно пп. 3 п. А ст. 4 III ЖК статус военнопленных может быть предоставлен лицам, «следующих за вооружёнными силами». При этом они являются гражданскими лицам, однако, имеющими тесную связь, в процессе осуществлении своих функций, с вооружёнными силами. При этом комбатантами они не являются, не участвуют в боевых столкновениях, не вправе применять силу, но имеют право на предоставление им статуса военнопленных. К ним может относиться персонал ЧВОП, выполняющий задачи, связанные с логистической поддержкой вооруженных сил, снабжением, оказанием инженерных или строительных услуг³.

¹ Данный вопрос мы рассматриваем в отдельном параграфе настоящей работы.

² См.: Давид, Э. (2000). *Принципы права вооруженных конфликтов*. М., 344.

³ Русинова, В. Н. (2009). Проблемы международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных предприятий. *Российское право в Интернете: журнал*, 5. <http://www.rpi.msal.ru/prints /200905_3.html> (2013, февраль, 20).

Признание персонала ЧВОП в качестве комбатантов возможно на основании его отнесения к личному составу других ополчений и добровольческих отрядов (не входящих в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте), включая личный состав организованных движений сопротивления, принадлежащих стороне, находящейся в конфликте, и действующих на их собственной территории или вне ее, даже если эта территория оккупирована (А. п. 2) ст. 4 ЖК III)¹. Для обретения статуса комбатанта личный состав должен отвечать условиям организованности и легитимности, перечисленным в статье 5 (наличие командования, ношение определённого отличительного знака, открытое ношение оружия и соблюдение «законов и обычаев войны»). Данные критерии в обобщенном виде содержатся и в определены и п. 1 ст. 43 ДП I, в соответствии с которым к комбатантам относятся «организованные вооруженные силы, группы и подразделения, находящиеся под командованием лица, ответственного перед стороной конфликта за поведение своих подчинённых.... Такие вооруженные силы подчиняются внутренней дисциплинарной системе, которая, среди прочего, обеспечивает соблюдение норм международного права, применяемых в период вооруженных конфликтов».

Относительно возможности их соблюдения персоналом ЧВОП в принципе, сомнений не возникает (хотя, несомненно существуют определенные проблемы их соблюдения²).

¹ Такую возможность допускает В. В. Гаврилов и В. Н. Русинова: См Гаврилов, В. В. (2010). Правовое положение частных военных и охранных компаний: задачи международного и национального регулирования. *Российский ежегодник международного права*. СПб.: Социально-коммерческая фирма «Россия-Нева», 332; Русинова, В. Н. (2009). Проблемы международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных предприятий. *Российское право в Интернете: журнал*, 5. <http://www.rpi.msal.ru/prints /200905_3.html> (2013, февраль, 20).

² «Проследить наличие или отсутствие указанных признаков на практике будет чрезвычайно трудно, так как в полевых условиях практически невозможно быстро и точно установить, например, факт принадлежности данной группы лиц к стороне конфликта или ее нахождение под ответственным командованием». Гаврилов, В. В. (2010). Правовое положение частных военных и охранных компаний: задачи международного и национального регулирования. *Российский ежегодник международного права*. СПб.: Социально-коммерческая фирма «Россия-Нева», 332.; Сотрудники некоторых ЧВОК «могут отличать себя от местного гражданского населения посредством ношения формы, но, учитывая многочисленность компаний, неприятелю будет очень сложно отличить одну компанию от другой, сотрудники которой не подпадают под действие ст. 4. А. 2. и непосредственное нападение на которых будет преступлением». Камерон, Л. (2006). Частные военные компании: их статус по международному

Весьма важным представляется замечание В. Н. Русиновой о том, что в случае, если сотрудники ЧВОП не подпадают ни под одну из перечисленных категорий (комбатантов, некомбатантов, лиц, «следующих за вооружёнными силами» – К.Г.), то дальнейшая квалификация этих лиц будет зависеть от того, какой деятельностью они занимаются в зоне вооружённого конфликта¹. Однако мы не вполне согласны с таким обобщением. В отношении их идентификации как «наемников», «незаконных комбатантов» их фактическая деятельность будет иметь значение, чего нельзя сказать об их статусе как гражданского населения, который зависит скорее от непринадлежности к комбатантам (незаконные комбатанты не являются самостоятельной категорией). Однако, в ряде случаев именно от деятельности сотрудников ЧВОП зависит отнесение их к одной из разновидностей комбатантов – населению оккупированной территории, которое при приближении неприятеля стихийно по собственному почину берется за оружие для борьбы со вторгающимися войсками, не успев сформироваться в регулярные войска, если оно носит открыто оружие и соблюдает законы и обычаи войны (пп. 6 п. А ст. 4 ЖК III).

В этой связи персонал ЧВОП должен соответствовать не двум, как традиционно считается, а пяти условиям. Во-первых, относится к населению оккупированной территории, что весьма сомнительно в первую очередь для иностранной ЧВОП или для иностранного персонала ЧВОП. Во-вторых, «при приближении неприятеля **стихийно по собственному почину берется за оружие** для борьбы со вторгающимися войсками» (выделено нами, К.Г.). Т.е. речь идет не о состоянии в некоторой структуре, а о самостоятельных действиях, деятельности. Подчинению приказу, действию на основании контракта, а именно о стихийности действий по собственному почину. Это условие свидетельствует о том, что именно в качестве персонала ЧВОП, а не отдельных частных лиц, относящихся к населению, они не могут быть признаны комбатантами данного вида. Одновременно, они должны «взяться за оружие», а не быть вооружены. В-третьих, требование о том, что население не успело сформироваться в регулярные войска может свидетельствовать о

гуманитарному праву и воздействию МГП на регулирование их деятельности. *Международный журнал Красного Креста*, 88, 86, 79.

¹ Русинова, В. Н. (2009). Проблемы международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных предприятий. *Российское право в Интернете: журнал*, 5. <http://www.rpi.msal.ru/prints /200905_3.html> (2013, февраль, 20).

отсутствии организации, что в определенной степени неприемлемо в случае ЧВОП. В-четвертых, они должны открыто носить оружие, их в-пятых, соблюдать законы и обычаи войны. При этом мы не исключаем возможность участия персонала ЧВОП в личном качестве в «борьбе со вторгающимися войсками», что, они «открыто оружие и соблюдает законы и обычаи войны», что однако не противоречит действию в составе подразделений ЧВОП, но по собственной инициативе.

Отметим, что существует и другая точка зрения на этот счет. По мнению И.И. Котлярова и Ю.В. Пузыревой, в ситуации, когда составе населения, которое при приближении неприятеля стихийно по собственному почину берется за оружие для борьбы со вторгающимися войсками, персонал ЧВОК воюет с неприятельскими войсками, то на него распространяется статус комбатанта и военнопленного, что соответствует нормам международного гуманитарного права¹.

Как указывает В. Н. Русинова, если деятельность персонала ЧВОП в зоне вооруженного конфликта не связана с непосредственным участием в военных действиях (добавим – в качестве комбатантов – К.Г.), и они не являются «лицами, следующими за вооруженными силами» (или некомбатантами – К.Г.), то они должны рассматриваться в силу ст. 4 ЖК IV как «гражданские лица»², с оговоркой о возможности их квалификации как наемников и незаконных комбатантов. Следует отметить, что наемников включают в категорию незаконных комбатантов, что на наш взгляд вполне оправдано.

Проблема квалификации персонала ЧВОП как наемников является наиболее обсуждаемой в доктрине и практике, и требуют отдельного анализа. Отметим только, что наемники практически одна из немногих самостоятельных категорий, не относящихся ни к комбатантам (согласно п. 1 ст. 47 ДП I наемники не имеют права на статус комбатанта или военнопленного), ни к гражданскому населению, противоправность которой закреплена в ЖК III и ДП I.

Мы считаем необходимым рассмотрение возможности принадлежности персонала ЧВОП к категории незаконных комбатантов

¹ Котляров, И. И., Пузырева, Ю. В. (2013). Негосударственные вооруженные группы и международное гуманитарное право. *Московский журнал международного права*, 3 (90), 9.

² Русинова, В. Н. (2009). Проблемы международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных предприятий. *Российское право в Интернете: журнал*, 5. <http://www.rpi.msal.ru/prints /200905_3.html> (2013, февраль, 20).

как самостоятельной категории участника вооруженного конфликта, несмотря на то что в договорных нормах МГП данная категория прямо не выделяется. Проблема выделения категории незаконных комбатантов вызвала широкие дискуссии в доктрине международного права¹. Достаточно подробно статус последней категории лиц проанализировал Кнут Дерман в своей статье «Правовой статус «незаконных и (или) не пользующихся защитой конвенций комбатантов»» в контексте права «незаконных / не подпадающих под защиту конвенций комбатантов» на правовую защиту, предоставляемую международным гуманитарным правом². Именно на неоднозначность статуса этой категории лиц обращает внимание К.У. Уоткин «Проблемы, возникающие в связи с отказом в статусе комбатанта³, – одна из сложностей, с которыми мы сталкиваемся при проведении различия исключительно на основе двух категорий: комбатантов и гражданских лиц»⁴.

В этой связи В. Н. Русинова указывает, что если сотрудники ЧВОП не могут считаться комбатантами в силу того, что, к примеру, они не подчиняются напрямую военному командованию или не соблюдают принцип отличия от гражданского населения, и, несмотря на это, принимают непосредственное участие в военных дей-

¹ Дерман, К. (2003). Правовой статус «незаконных и (или) не пользующихся защитой конвенций комбатантов». *Международ. журн. Красного Креста*, 51 – 87.; Тузмухамедов, Б. Р. (2006). Хамдан против Рамсфелда: уроки и параллели. *Рос. ежегодник междунар. права*. СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2008. – Спец. вып., 129 – 139.; Короткий, Т. Р. (2009). Генезис понятия и статуса участников вооруженных конфликтов. *Рос. ежегодник междунар. права*. СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2010. – Спец. вып., 267 – 285. (Korotky, T. R. (2009). Genesis of the concept and status of armed conflict participants). *Rus. year-book of international law*. Saint-Petersburg. SCC «Russia–Neva», 2010. – Special Issue, 285 – 311.; Уоткин, К. У. (2003). Комбатанты, «непривилегированные воюющие» и конфликты XXI века. *Подтверждение и развитие международного гуманитарного права: материалы для Неформальной встречи экспертов на высшем уровне, посвященной теме (Кембридж, 27–29 июня 2003 г.)*. <http://www.sk-news.ru/mgp/doc/doc_07_05.doc> (2013, февраль, 20).

² Дерман, К. (2003). Правовой статус «незаконных и (или) не пользующихся защитой конвенций комбатантов». *Международ. журн. Красного Креста*, 51.

³ Речь идет о лицах, не соответствующих таким критериям, как: открыто носят оружие, не обеспечивают соблюдение норм международного права, применимого во время вооруженного конфликта, имеют различимый на расстоянии постоянный отличительный знак и т.п.

⁴ Уоткин, К. У. (2003). Комбатанты, «непривилегированные воюющие» и конфликты XXI века. *Подтверждение и развитие международного гуманитарного права: материалы для Неформальной встречи экспертов на высшем уровне, посвященной теме (Кембридж, 27–29 июня 2003 г.)*. <http://www.sk-news.ru/mgp/doc/doc_07_05.doc> (2013, февраль, 20).

ствиях, они подпадают под категорию так называемых «незаконных комбатантов» – лиц, которые принимают участие в военных действиях, не имея на это права¹. Таким образом, если персонал ЧВОП не относится комбатантам, некомбатантам, лицам, следующим за вооружёнными силами согласно ЖК III и ДП I, однако непосредственно участвуют в боевых действиях, их можно обозначить как «незаконных комбатантов», они подпадают под действие ст. 5 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 года (ЖК IV) и ст. 75 ДП I, в которых определен минимальный набор правил обращения с ними.

Рассмотрим ситуации квалификации персонала ЧВОП как гражданских лиц. Анализ положений ст. 50 ДП I позволяет сделать вывод, что основным критерием, по которому лица относятся к гражданскому населению, является неотнесение их к категории комбатант, а не неучастие в вооруженном конфликте². Как указывает К.У. Уоткин, в различных международных соглашениях делалась попытка дать определение понятию комбатант³, при этом все остальные считались гражданскими лицами⁴. Предлагалось считать такой подход более предпочтительным, потому что он охватывает все категории лиц без исключения. Более того, все было сделано для того, чтобы сохранить простоту и однозначность этих норм. Цель такого подхода – повысить качество соблюдения норм международного гуманитарного права⁵.

¹ Русинова, В. Н. (2009). Проблемы международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных предприятий. *Российское право в Интернете: журнал*, 5. <http://www.rpi.msal.ru/prints /200905_3.html> (2013, февраль, 20).

² Следует отметить, что подход к категории «гражданские лица» несколько различается в этих в ЖК и ст. 43 ДП I.

³ См.: ст. ст. 1–3 Гаагского положение о законах и обычаях сухопутной войны, ст. 4 Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. об обращении с военнопленными, и ст. ст. 43–44 I ДП.

⁴ Уоткин, К. У. (2003). Комбатанты, «непривилегированные воюющие» и конфликты XXI века. *Подтверждение и развитие международного гуманитарного права: материалы для Неформальной встречи экспертов на высшем уровне, посвященной теме (Кембридж, 27–29 июня 2003 г.)*. <http://www.sk-news.ru/mgp/doc/doc_07_05.doc> (2013, февраль, 20).

⁵ A.P.V. Rogers (1996). *Law on Battlefield*. Manchester University Press, 7 – 9. Цит. по: Уоткин, К. У. (2003). Комбатанты, «непривилегированные воюющие» и конфликты XXI века. *Подтверждение и развитие международного гуманитарного права: материалы для Неформальной встречи экспертов на высшем уровне, посвященной теме (Кембридж, 27–29 июня 2003 г.)*. <http://www.sk-news.ru/mgp/doc/doc_07_05.doc> (2013, февраль, 20).

Этот тезис имеет важное значение для идентификации статуса персонала ЧВОП, ибо неучастие вооруженном конфликте это следствие обладание статуса гражданского лица, дающий право на определенные права (согласно Норме 6 обычного международного гуманитарного права, гражданские лица находятся под защитой от нападений, кроме случаев, когда и пока они принимают непосредственное участие в вооруженных действиях¹), а не причина обладания этим статусом. Поэтому ошибочным будет подход, в соответствии с которым, отнесение персонала ЧВОП в период вооруженного конфликта к числу гражданских лиц допустимо до тех пор, пока они не принимают непосредственного участия в военных действиях.²

Исходя из ст.ст. 43, 46, 47 ДП I, лица, которые принимают фактическое участие в военных действиях, но к комбатантам не относятся, относятся к гражданскому населению. Согласно п. 3 ст. 51 ДП I, эти лица находятся под защитой как гражданское население, за исключением случаев и на такой период, пока они принимают непосредственное участие в военных действиях. Этот критерий применяется и в Норме 6 обычного международного гуманитарного права. Таким образом, к гражданскому населению по смыслу ст. 50 ДП I, относятся персонал ЧВОП, в том числе принимающий непосредственное участие в военных действиях.

Интересной является проблема отнесение к одной из рассматриваемых категорий шпионов или наемников, при наличии и то правовых оснований, к которым может быть отнесен персонал ЧВОП. По нашему глубокому убеждению, это самостоятельные категории, производные от комбатантов, и обладающие, несмотря на схожесть в объеме прав с гражданскими лицами, принимающими непосредственное участие в военных действиях, самостоятельным статусом. Существует и другая точка зрения на этот вопрос: «...при нынешней ситуации в рамках современного права Женевы³ все они (шпи-

¹ Звичаєве міжнародне гуманітарне право. Норми (2006). *Український часопис міжнародного права*, 2, 8.

² Сырхаев, А. А. (2013). *Ответственность частных военных и охранных компаний в международном гуманитарном праве* (Автореф. дис.... канд. юрид. наук: 12.00.10 – Международное право. Европейское право) М.: ФГБОУ ВПО «Российский университет дружбы народов»), 9.

³ Именно право Женевы, а не в целом международного гуманитарного права, хотя положение об единстве права Женевы и права Гааги в рамках международного гуманитарного права не вызывает сомнений.

оны, наемники, диверсанты – примечание наше, К.Г.) относятся к гражданскому населению»¹.

Однако, в ЖК заложено несколько иное соотношение понятия «гражданское население» и «комбатанты», чем в ДП. В ЖК прямо не определяется понятие гражданское население, а используется понятие «под защитой Конвенции состоят лица», «лицо, находящееся под покровительством Конвенции». Причем, указанием на круг покровительствуемых лиц (в отношении дифференциации на комбатант / покровительствуемое лицо) является абз. 4 ст. 4 ЖК IV, согласно которому лица, находящиеся под защитой ЖК I – III, не рассматриваются в качестве лиц, пользующихся покровительством по смыслу ЖК IV. При этом в ст. 5 ЖК IV прямо указывается, что если лицо задержано в качестве шпиона, диверсанта, или подозреваемого в деятельности, враждебной для безопасности государства, то такое лицо не будет иметь право претендовать на такие права и преимущества, предоставляемые Конвенцией, которые наносили бы ущерб безопасности этого государства, если бы они предоставлялись данному лицу (абз. 1 ст. 5); либо данное лицо может быть лишено прав на связь, предоставляемых ЖК IV (абз. 2 ст. 5).

Как уже отмечалось, «гражданским лицом является любое лицо, не принадлежащее ни к одной из категорий лиц, указанных в статье 4. А. 1, 2, 3 и 6 Третьей конвенции и в ст. 43 настоящего Протокола» (ДП I п. 1 ст. 50). Более того, что в значительной степени может относиться к персоналу ЧВОП в виду наличия отдельных признаков комбатантов (форма, оружие, ответственное командование), «в случае сомнения относительно того, является ли какое-либо лицо гражданским, оно считается гражданским лицом» п. 1 ст. 50 ДП I.

Правовые последствия отнесения персонала ЧВОП к гражданским лицам конкретизирует Э.-К. Жийар: «Если же они являются гражданскими лицами, нападать на них запрещено. Однако, если они принимают непосредственное участие в военных действиях, они утрачивают иммунитет от нападения на время этого участия... и могут стать объектом судебного преследования»².

¹ Короткий, Т. Р. (2009). Генезис понятия и статуса участников вооруженных конфликтов. *Рос. ежегодник междунар. права*. СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2010. – Спец. вып., 267 – 285. (Korotky, T. R. (2009). Genesis of the concept and status of armed conflict participants). *Rus. year-book of international law*. Saint-Petersburg. SCC «Russia–Neva», 2010. – Special Issue, 302.

² Жийар Жийар, Э.-К. (2006). Бизнес идет на войну: частные военные и охранные компании и международное гуманитарное право. *Международный журнал Красного Креста*, 88, 863, 8 – 9.

Таким образом, при отсутствии оснований принадлежности к комбатантам, непосредственное участие персонала ЧВОП в военных действиях не влечет изменение их статуса гражданских лиц, однако в последнем случае вне зависимости от последствий влечет их ответственность. В этой связи с этим возникают следующие вопросы: каким образом определить понятие «участие в военных действиях», и дифференцировать его от деятельности ЧВОП по выполнению контрактных функций как в интересах государства, так и в интересах физических и юридических лиц; в соответствии с законодательством какого государства будет проводиться такая идентификация в случае вооруженного конфликта (данное обстоятельство, на наш взгляд, порождает острую необходимость международно-правовое определение критериев участия ЧВОП в военных действиях); относительно юрисдикции по привлечению к ответственности в случае незаконного участия в военных действиях персонала ЧВОП.